

A person in a dark coat walks away from the viewer down a dirt road in a foggy, desolate village. The sky is dark and split by a jagged, glowing crack that runs from the top left to the bottom right, passing over the person. On the left, a wooden house with a chimney is visible. On the right, another house and a tall chimney are in the distance. The overall mood is somber and mysterious.

Каору Сато

Сломленный, но
ещё живой

Каору Сато

Сломленный, но всё ещё живой

«Автор»

2025

Сато К.

Сломленный, но всё ещё живой / К. Сато — «Автор», 2025

«Сломленный, но ещё живой» — откровенная история о человеке, прошедшем через боль, одиночество и утраты. И проходящим это до сих пор. Это путь из деревенского детства в холод взрослой жизни, где за масками безразличия прячутся стихи, воспоминания и надежда. Перед вами отчасти автобиографическая книга, рассказанная честным голосом того, кто не сдаётся, несмотря ни на что. Проза переплетается с поэзией, прошлое с настоящим, а тишина — с внутренним криком.

© Сато К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. До того, как всё стало тяжёлым	7
Глава 2. Город без имени	9
Глава 3. Где заканчивается детство	11
Глава 4. Окна, в которых я не отражался	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Каору Сато

Сломленный, но всё ещё живой

Пролог

Когда-то верил – и ждал чудес,

Когда-то был светлее небес,

Но годы – горькие, как полынь —

Сломали душу, оставив пыль.

Мечтал писать – а остались строки,

Как рубцы от жизни, на коже тонкой.

И сердце – в маске, и взгляд – пустой,

Но всё ещё...

Я жив.

Живой.

Я падал в тени, я кричал в тишине,

Я верил тем, кто не верил мне.

Смотрел в глаза, полные лжи,

И шёл один, не прося «поддержи».

Я научился молчать и плыть по теченью

В водах, где боль не умеет жить.

И пусть внутри – обломки и мрак,

Я – есть.

Я дышу.

Я не сделаю шаг назад.

Может, и ты, читатель, сейчас

Ведёшь с собой этот же бой

Без посторонних глаз.

Знай – ты не сломен, ты не один.

Ты тоже жив.

Ты тоже живи.

Я не герой.

Не спасал людей, не побеждал кого-то, не вершил великих дел.

Я просто жил – как мог, как позволяли силы, обстоятельства и время.

Меня не хвалили за успехи. Меня критиковали за ошибки, порой те, которых я даже не совершал. Я рос в тени, учился молчать, быть удобным, незаметным. Я стал собой – тем, кто пишет эти строки – не из вдохновения, а из усталости. Из желания, чтобы хоть кто-то услышал.

Эта книга – не исповедь, не попытка вызвать сочувствие, не жалоба. Это – дорожный знак на пустой трассе, который кто-то когда-то поставил, чтобы другой, идущий вслед, не свернул в пропасть.

Мне двадцать пять. Я устал.

Но я пока ещё живой.

Если ты читаешь это и узнаешь себя – ты тоже всё ещё живой.

И, может быть, это единственное, что нам сейчас нужно – напоминание, что несмотря на всё, несмотря на сломанные части внутри, мы продолжаем дышать.

Иногда боль притупляется, иногда – обостряется. Иногда я боюсь собственных мыслей. А иногда просто смотрю в окно и думаю, как хорошо было бы быть деревом. Без мыслей. Без боли. Просто стоять и слушать ветер. Где-нибудь там, на далёком берегу реки или озера.

Я не знаю, что ждёт меня дальше.

Но пока я ещё могу писать – я буду.

Не для славы. Не для признания. А чтобы не забыть, что я был. И есть.

Глава 1. До того, как всё стало тяжёлым

*Я помню – траву выше колен,
И небо над домом простое.
Там ветер шептал обо мне,
Когда я молчал под звездою.
Я помню – отцовский хмельной
И мамыны стиснуты руки.
И я – между детской виной
И страхом случайной разлуки.
Я помню – как тихо внутри
Становится, если не дышишь.
Ты слушаешь, как из зари
Рождается день, где ты – лишний.
Но даже в те годы – один,
Я верил в тепло и в прощенье.
Я жил, хоть был ломким как дым.
Я рос. Я искал своё прозренье.
И если сейчас я устал —
Помню, что было ещё раньше.
Где в поле деревья и травы
Шептали: ты держишься...Продолжай.
Также и дальше.*

Я помню запахи деревни.

Травы под солнцем, утреннюю прохладу, влажную землю после дождя, где босые пятки оставляли временные следы. Там время шло не как в городе – оно текло так медленно, словно течение реки. Оно плелось вместе с ветром, вместе с журчанием ручейка за огородом, вместе с сонным уханьем совы, что обитала где-то у черёмухи. Я был тогда ещё ребёнком – живым, шумным, с фантазией, которая могла превратить любое старое ведро в космический корабль, а палку – в меч.

Мы жили не особо бедно либо же мне так казалось. Но тогда слово “бедно” мне ничего не говорило. У нас был сад, курицы, чердак, где пахло сушёной сеном, – и бабушка, которая иногда пела себе под нос песни, которых никто больше не знал. Она не была мне родной, но я часто бегал к ней в гости. Родных дедушки и бабушки я никогда не видел – они ушли за год до моего рождения. Иногда мне кажется, что я унаследовал его взгляд – усталый, думающий, будто заглянувший в мир чуть глубже, чем положено обычному человеку.

Отец...

Он приходил домой с запахом спиртного. Не каждый день, но достаточно часто, чтобы это стало привычкой. Я не знал тогда, что такое «зависимость», не понимал слов «созависимость» и «травма». Я просто знал – когда он в плохом настроении, лучше быть подальше. И быть тихим. И не мешать. Мама молчала. А мне казалось, что весь мир – это наша деревня, и все живут так же.

Спустя несколько лет у меня появилась сестра, а позже и брат. Отец закодировался и больше не пил.

Когда мне было семь, мы переехали в город. Там было много окон, много людей, много чужих лиц и никакой тишины. Вместо утреннего ветра – шум машин. Вместо запаха травы –

запах пыли. По крайней мере, мы переехали в частный дом в тихом частном секторе. Но, к сожалению, я не знал, что именно в этом городе начну терять самого себя.

Но тогда, в деревне, я был жив. Я бегал. Смеялся. Разговаривал с кошками. Строил шалаши и мечтал. Уже тогда, в пыльной старой тетрадке, начал писать первые строчки – простые, неумелые, но свои. Уже тогда сердце шептало, что я хочу быть кем-то. Хоть кем-то.

Только я ещё не знал, сколько это «кем-то» будет мне стоить.

(Сейчас, через столько лет, я бы хотел снова там очутиться. Сесть у бревна, закрыть глаза и просто слушать. Без мыслей. Без ожиданий. Только тишина и я. Сейчас тот дом всё ещё есть и там даже есть сад. Отец иногда ездит туда, ведь там его пасека.)

Глава 2. Город без имени

*Я помню – асфальт под ногами,
И окна, в которых – тусклый свет,
Как будто забыт был чей-то силуэт.
Я помню – шаги по дороге,
Ведущие мимо, не к дому.
Где голос спрятал внутри,
Чтоб грубость не выдать в «прости».
Я помню – глядел на витрины,
И мир был как будто в витрине.
Где я – не герой, не гость,
А просто случайная упавшая кость.
И где-то внутри – всё сильнее,
Рос холод, как вечное «нет».
Но верил упрямо в мечту,
Хоть чаще смотрел в пустоту.*

Говорят, что деревня учит тишине, а город – выживанию.

Когда мы переехали, я думал, что это – новая жизнь. Новый дом, новые горизонты, новые возможности.

Но оказалось, что в городе легко потеряться, даже когда знаешь, где живёшь.

Мне было семь. Я ещё помнил запах скошенной травы и гудение пчёл, но теперь всё пахло иначе – выхлопами, подъездами, воздух казался тяжёлым. Вместо ночных звёзд были фонари, которые будто следили за каждым шагом.

Я не знал, как быть в этом новом мире. Слишком шумном, слишком чужом.

Я стал тише. Внутренне – медленнее. Я стал наблюдать.

Школа встретила меня, как приёмный ребёнок. Не жестоко, но настороженно.

Один раз я попытался рассказать, как мы в деревне строили шалаш из прутьев и мха.

Меня не поняли. Смех, косые взгляды.

С тех пор я стал говорить меньше. Пытался вести дневник, писал туда всё больше.

Спустя какое-то время я начал складывать стихи. Маленькие, кривые, нелепые.

Они были единственным способом не исчезнуть во всей этой рутине.

Комментарий сквозь время:

Интересно, что никто из них не вспомнит даже моего имени. А я до сих пор помню, как один мальчик после урока литературы в классе вырвал у меня тетрадку и прочитал вслух:

«Ты думаешь, ты поэт? Это бред».

Я тогда не ответил. А сейчас, возможно, улыбнулся бы.

Но тогда – было больно. Очень.

Первой влюблённостью стала девочка с кучерявыми волосами, оказывается она жила недалеко от меня.

Я смотрел на неё как на картину, к которой не подойдёшь ближе.

Я писал о ней – в блокноте, на полях, в уме.

Однажды написал письмо. Не подписал. Она смеялась, читая его вслух с подружками и друзьями у своего дома.

После этого я замкнулся.

Не от мира – от ожиданий.

Стал бояться не боли, а того, что никто её даже не заметит.

Мир вокруг был словно стеклянный – я мог на него смотреть, но не мог в нём жить.

Я шёл в школу, я возвращался домой. Я ел, я спал. Но внутри – будто что-то стояло на паузе.

Город не стал домом. Он стал станцией. Промежуточной.

Я ждал – сам не зная чего.

Комментарий сквозь время:

Думаю, тогда я впервые начал взрослеть. Не тогда, когда мне исполнилось десять или ещё когда-то. А тогда, когда впервые почувствовал: внутри меня что-то ломается. И никто этого не видит.

Или видит – и всё равно идёт мимо.

Глава 3. Где заканчивается детство

Когда мы переехали в город, я был ещё ребёнком. Но город не любил детей, по крайней мере – таких, как я. Здесь было шумно, тесно, не пахло свежескошенной травой, и никто не смотрел на тебя с доброй улыбкой. Люди проходили мимо – как мимо мусорного пакета, лежащего не на своём месте. Я стал одним из них – прохожих без лица.

Первое время я молчал. Не потому, что не было слов, а потому что не было смысла их произносить. Всё, что могло бы стать началом дружбы, тут же разбивалось о насмешки. Я был «тот странный с акцентом», «тот деревенский».

Я тогда думал, что молчание защитит меня. Но теперь знаю – оно стало клеткой. Я сам её выстроил.

Школа была другим миром, где все играли в свои роли, а я не получил сценарий. Я учился быть незаметным. Порой казалось, что учителя даже не знали, как меня зовут. А дома... дома тоже было мало тепла. Родители уставали. Мама всё больше молчала, отец приходил поздно. Иногда со злобой, которую я старался не замечать.

Сначала я пытался писать. Не ради оценки – для себя. Это были записки в старой тетрадке. Иногда – стихи, иногда – просто мысли. В них я мог быть собой. Или тем, кем хотел бы стать. Писать – значило быть. Писать – значило кричать в пустоту, надеясь, что кто-то услышит. И даже сейчас глубоко в душе, я надеюсь, что кто-нибудь меня поймёт и поддержит своим теплом.

Эти записки не сохранились. Но память о них – да. Я не всегда писал хорошо и даже сейчас так не считаю, но всегда – честно. И в этом есть ценность.

Я впервые влюбился – в девочку из своего класса. Она не знала об этом. А когда узнала – рассмеялась. Мне стало стыдно. Но не за чувства – за то, что позволил им быть. С тех пор я научился прятать не только слова, но и сердце.

Это было начало долгого молчания, которое, возможно, не закончится никогда.

Я шёл по стеклу без звука,

Внутри – пустота и страх.

Снаружи – усмешка, разлука,

И мир на чужих весах.

Я прятал глаза и имя,

Как будто украли их.

Слова оставались мнимы,

А голос – совсем затих.

Но где-то на тетрадном поле

Я тихо писал про себя.

Пусть город ломал мне волю —

Я жил. Хоть и не любя.

Я верил: под слоем пыли

Останется свет внутри.

Хоть в детстве меня забыли —

Говорил я себе: сам себя сбереги.

Глава 4. Окна, в которых я не отражался

Я помню, как улицы становились узкими, будто сжимая грудную клетку. Я шёл по ним, опустив взгляд, и слышал в голове собственные шаги громче, чем звуки машин и голосов. Школа была неподалёку, но я всегда чувствовал, будто иду туда сквозь сотни глаз, ни один из которых не смотрит по-настоящему. Они просто скользят, как ветер по витринам.

Окна. Их было много. На каждом этаже многоэтажек, в магазинах, автобусах, даже в чужих душах. Но нигде я не отражался. Ни одного намёка, что кто-то там – хоть раз – увидел меня по-настоящему.

В городском подъезде пахло железом и мокрым песком. В детстве я думал, что это запах взросления. Но теперь знаю – это просто запах одиночества, затхлого и постоянного.

(Комментарий сквозь время)

Мне казалось, что я учусь молчать красиво. Чтобы никто не заподозрил, как громко во мне бушуют чувства. Тогда я ещё не умел различать: где граница между терпением и тем, что ломает внутри. Я просто думал – так надо.

С одноклассниками я был рядом, но не вместе. Вроде бы смеялся, вроде бы отвечал на вопросы, вроде бы жил. Но всё было «вроде бы». Настоящим оставались только те вечера, когда я возвращался домой, крошечная комната, лампа, и тетрадь, в которую можно было вылить всё, что копилось. Я начинал писать – не для славы, не для школы. Для того, чтобы понять, жив ли я вообще.

Иногда я задерживался у витрины с книгами. Смотрел сквозь стекло и воображал, что когда-нибудь моё имя будет среди других. А потом ловил себя на мысли, что даже если и будет – я всё равно не узнаю, что это кому-то нужно. Потому что уже тогда я чувствовал: я не здесь.

(Комментарий сквозь время)

Когда ты слишком часто чувствуешь себя лишним, начинаешь тихо уходить из собственного «я». Не потому, что хочешь исчезнуть, а потому что никто не замечает, если ты остаёшься.

Однажды я долго смотрел в окно чужого дома. Там горел свет, кто-то двигался, смеялся, разговаривал. Мне казалось, что у них внутри тепло. Что их окна – это не просто стекло, а порталы в другое измерение, где тебя ждут. Я завидовал. И ненавидел себя за эту зависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.